

Соня Грин

Исповедь
Обреченной

16+

Со́ня Грин

Исповедь Обреченной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48405239

SelfPub; 2019

Аннотация

Иногда кажется, что хуже быть просто не может. Очевидно, может. А как, спрашивается, говорить «все отлично», когда в носу у тебя две трубочки да баллон кислородный ака гирия у каторжника? А тут еще жизнь измывается по полной – диагноз за диагнозом, так мало того, вскоре я начинаю вынужденно скрываться от собственного друга! Испытания за испытаниями... Посмотрим, сможет ли мое истерзанное операциями сердце и поверженная самооценка вытащить меня из ямы, в которую я сама же себя и закопала? Книга о неизлечимой болезни, любви, принятии себя и веры в Бога.

3 февраля 2015 года

19:46

Как обычно это бывает, умершие родственники вспоминаются как раз некстати: когда ты едешь в транспорте, или бежишь по дороге, или ещё что-нибудь. От этого всегда худо. А вот когда у тебя ещё и психика неустойчивая – тогда вообще кошмар-кошмар начинается. Смеешься себе, и тут – бац, – и ревёшь, как девочка маленькая.

Все начинают волноваться, спрашивают, не вызвать ли скорую (куда, в психушку?), дать ли воды. А ты стоишь себе, реवेशь, слезы сами предательски текут из глаз, будто бы им кто-то разрешал. И все пуще прежнего начинают заводить темы о мамах-папах, какие они настойки пили при депрессиях, ведь они не знают, что реवेशь ты сейчас именно из-за этого. Не из-за настоек – родителей.

Итак, знакомьтесь: побитая жизнью, не умеющая рисовать брови и стрелки в восемнадцать с небольшим, девушка по имени Никто. Ха-ха, шутка.

Хотя, нет, дайте-ка подумать: не шутка. И совсем не смешно.

Последний месяц своей жизни, когда у меня умерла моя последняя ниточка, не дающая грохнуться в депрессию, я ощущаю себя никем. Каким-то пустым пятном, пожирающей бездной, ну или даже Чёрной Дырой с не менее черными кругами под глазами.

Итак, давайте же приступим к выводам: если ты одинок,

выжить и не свихнуться в этом мире почти невозможно. Крыша у тебя начинает ехать уже тогда, когда ты об этом даже не подозреваешь. Но потом, когда ты понимаешь, что что-то в твоей жизни не так – уже совсем поздно.

(Хотя стоит признать, у каждого в этом мире кукушка едет в свою сторону, но все же. Понимать, что она еще на месте, немного лучше, чем понимать, что ты уже давно двинулся крышей).

Месяц назад я очнулась после двадцатичасовой операции на сердце, и единственное, что терзало меня в тот момент: не криво ли я нарисовала брови. А беспокоиться надо было совсем о другом.

Врачи как-то странно хмурились, снуя туда-сюда, звякали приборами и всем своим видом показывали, что я обречена. Но я вот – лежу, вяло машу руками, пытаюсь подать отчаянные сигналы для того, чтобы врачи наконец-то выдернули из моего рта эту странноватого вида трубку! Я дышу, дышу, я радуюсь, что я все еще торчу на этом свете, и что я скоро увижусь со своей тётушкой!

И врачи наперекор мне... ещё больше хмурятся, качают головой так, что кажется: ещё немного, и она отвалится.

И тут я понимаю, что начинает пахнуть паленым. Интересно, мне что-то сделали не то? Или пришили не там? Или забыли пришить? А они вообще пришивали?

Мысли начинают толкаться как бешеные. Хотя, да, они всегда были такими бешеными.

И наконец, вечером, когда меня переводят в палату, Кир скорбным голосом сообщает, что ночью моей тетушки не стало.

А потом происходит ещё одна череда событий, которая в буквальном смысле приводит меня к чёрному гробу.

И вот стою я у могилки, монашки бегают, как сумасшедшие, что-то причитают, кидают на меня полные боли взгляды, будто бы я один такой подросток, который потерял всех. Родителей, бабушку, которая скончалась от рака лёгких, да и дедушку следом: его сгубила болезнь под названием депрессия. Так сказать, чума двадцать первого века.

Продолжим! Кир, который стоит рядом, пытается не расклеиться окончательно и с силой кусает алую губу. Кровь стекает по его подбородку, капает на чёрный плащ. Он неловко оборачивается ко мне и, стирая остатки алой полосы, грустно улыбается и что-то говорит.

Не помню, что меня довело до грани: тонкая струйка крови на его лице или эта улыбка, но я взвыла, как посаженная на синовий кол ведьма. В тот момент я отключилась. То есть, я и до этого момента была в отключке, но теперь мною завладело такое горе, что мне показалось – еще немного, и сердце не выдержит.

Кир снова раскудахтался и принялся меня утешать.

Потом он забегал, предлагая финансовую помощь. Да к черту помощь! Я осталась одна, у меня нету никого, никого,

никого...

Выводы из этой истории весьма печальны: *не сойти с ума* просто невозможно.

Особенно в такой ситуации.

Да хотя ладно вам, бывает и похуже, но, когда я захожу в комнату тётушки, вдыхаю аромат старых пожелтевших книг, мне кажется, что хуже просто быть не может.

Я ложусь на смятую кровать, провожу рукой по лиловому покрывалу. А оно ведь так и лежало, когда тётушка последний раз укрывалась им.

Потом я подхожу к полкам с многочисленными книгами, некоторым из которых лет по сто. Не шучу – все это фамильные ценности, которые при жизни тетушки были для меня обычным пылесборником, а теперь они – как свежий глоток воздуха. Сажусь на пол, доставая каждую, тщательно перелистываю в надежде найти хоть какое письмо или зацепочку, хотя понимаю, что все, что хотела тетушка – оформить на меня документы на дом и прочую дребедень, ведь она знала, что уйдет очень скоро, – и все. Страницы приятно шелестят, и я проваливаюсь в огромную Ностальгию с большой буквы, вспоминая наши моменты.

Мои родители умерли восемь лет назад. Все эти восемь лет мы с тётушкой добивались режима «самые-что-ни-на-есть-лучшие-супер-пуперские-подруги», и, спустя столько упорного труда, наконец его достигли.

Тётушка всегда была такой живенькой, не упускала момента подтрунить надо мной, когда я на что-то жалуясь. «Нога болит? – а давай её отрежем!», «прищемила палец? – ой, сейчас сепсис пойдёт, смотри скорее!», «птица уклюнула? – кажется, в твоём организме скоро заведутся личинки!».

Естественно, не поверить в такое десятилетний ребёнок просто бы не смог, и поэтому, услышав от тётушки фразу «личинки», с криками и воплями убегал. Ну а к вечеру всё чудесным образом проходило, и жизнь продолжалась несмотря ни на что.

Когда я стала старше, жизнь заиграла новыми, чёрно-серыми красками.

Думаете, одноклассники упустят возможность поиздеваться над тем, кто потерял почти всё?

Поначалу я скрывала все свои синяки, под видом «быть красивой» заставляла покупать тётушку чулки, хотя мне было глубоко фиолетово до них. Нет, мне они были нужны лишь для того, чтобы скрывать кровавые раны и гематомы размером с небольшого жаворонка, хотя через белую ткань это всё равно немного просвечивалось.

И тётушка ходила довольная, что её «дочка» наконец-то заинтересовалась одеждой и погналась за модой, и «дочка» ходила довольная, что тётушка не видит всех прелестей жизни.

Но потом мне стало трудно скрываться.

Новые прелести появлялись и на руках, и на кистях (со-

гласитесь, ходить по дому в варежках – немного странно), а когда один синяк появился на лбу а-ка звезда, тётушка потребовала выложить всё.

Так ей стало известно, что я не самая обожаемая персона в школе.

Понятия не имею, откуда эти одноклассники (уж простите, язык не поворачивается их так назвать) решили, что я ведьма. Не только из-за внешности, ведь я всегда отличалась довольно странным, по их меркам, поведением. Из-за того, что никогда не могла дать сдачи? Не знаю, не знаю...

Теперь вопрос дня: что следует делать с ведьмами?

Сжигать, уничтожать, сажать на осиновый кол и потрошить внутренности!

Ну, то есть, конечно, всего этого со мной не было, хотя в избиениях ощущения были примерно идентичны. Но факт остаётся фактом: тётушка покричала-покричала на учеников и ушла довольная, за что меня в школе стали ещё больше ненавидеть.

Я натыкаюсь на мой старенький корявенький рисунок, где изображена тётушка. И слезинка сама по себе выкатывается. Вот незадача. Закатись *обратно*, неважно как, *закатись*.

Взгляд произвольно перемещается на её старенький «судоку», где половина не разгадана. Дрожащими руками я открываю первую страничку... в глаза бросаются два почерка: стройный и корявый.

На самом деле, это не я коряво писала. Это тётушка всегда

торопилась, ведь в далекой молодости она работала фельдшером. Вот и вырисовывала всякие винюли в справках, которые пациенты не могли часами прочесть.

Так, между прочим, появилась система «двойного заработка», где пациентам приходилось обращаться второй раз для того, чтобы им элементарно расшифровали то, что написано в справке. А тётушка просто злой гений, оказывается!

Я еще раз обзираю свой «труд»: разбросанные книги на полу, выдвинутые всевозможные ящички и лежащие везде где можно безделушки. А потом, со вздохом, начинаю всё складывать на места, находя всё новые и новые вещички.

И даже потом, когда всё разложено по местам, кровать заправлена, к фотографии тётушки прилеплена чёрная лента, а я уже выхожу из комнаты, слёзы всё равно текут по бледным щекам, не желая прекращаться.

8 февраля

15:08

На самом деле, я понятия не имею, какого черта потребовалось моему организму встать в пять утра.

Я не спеша разогрела себе вчерашнюю пиццу, твердо игнорируя запреты врачей на что-нибудь соленькое, жирненькое и сладенькое. Короче – все самое вкусненькое. Потом поставила чайник. Я прибыла обратно только несколько дней назад после месячной игры в гляделки с белыми стенами больницы, а ощущение было, что я не была в доме около

века.

Потом, устав смотреть на одинокого паука, мирно качающегося на паутине в углу раковины, решила составить ему компанию и с помощью швабры выселила в окно.

Наверное, у меня уже начались глюки, но я услышала что-то отчетливые пожелания скорейшей смерти.

Дальше я навела порядок в доме и на ключ заперла дверь в тетушкину комнату... Но не сдержалась. Зашла в залитое сиреневым светом помещение и уселась на кровать, щипая себя за переносицу.

А ведь дом-то принадлежал ей. Да-да, моей любимой тетушке – все два этажа, машина и бассейн на заднем дворе. Только вот в бассейне сейчас не купаешься, а для машины у меня водительских прав нету – сплошная несправедливость. И как она тут наводила уборку весь месяц?

Ей было пятьдесят с небольшим, хотя выглядела она на все сорок. Смешная, худенькая, миниатюрная – метр пятьдесят, не больше, с копной рыжих волос, которые почти все осыпались после второй красной химии. Я помню этот день – она пришла с больницы и я кинулась обнимать ее, а когда наконец отлепилась, обнаружила в своих руках две густые пряди выющихся волос. Наверное, тогда рожа моего лица вытянулась в такой жирный знак вопроса, что тетушка невольно расхохоталась, и мне стало легче.

– Волосы – не зубы, вырастут после лечения, – лукаво улыбнулась она. – То-то еще будет.

А потом я брила ее голову под ноль и смотрела, как все больше и больше кудрявых рыжих волос осыпается на подстеленную внизу клеенку с цветочками.

Почему-то тогда я считала, что сразу после окончания лечения ядом она снова обретет пушистую рыжую шапку, и все у нас будет хорошо, и проживет она как минимум еще двадцать лет.

За все те три года мучений, которые она прожила, волосы у нее так и не выросли.

14 февраля

16:24

На дворе – день всех влюбленных.

Значит, это и мой день тоже – надо только определиться, в кого я влюблена.

Ну, в свои меховые тапочки, которые я приобрела на блошином рынке всего-то за пятьдесят рублей. Или, например, в картину, на которой изображен рыжий кот с большими грустными глазами.

После приема каждодневных таблеток у меня начинается жуткая «побочка»: начинает мутить, сердце – кажется – вот-вот вырвется наружу, пробив мягкую, бледную кожу, лицо становится мертвенно-белым настолько, что все мое лицо почти полностью оказывается в веснушках, когда их у меня только на носу и под глазами. Да и руки будь здоров трясутся: врагу не пожелаешь!

Так что поэтому меня никто «не выбрал», лишь потому, что из-за приема таблеток я становлюсь похожа на ходячий труп. А таблетки, между прочим, мне нужно принимать в университете строго с десяти до одиннадцати – целый час мучений и состояния пофигизма. Хорошо, что пока что у меня освобождение на целых полгода.

После того, как я более-менее прибралась в доме, закинула в себя очередную порцию разноцветных таблеточек и переждала жуткие побочные, я села в кресло и позволила себе отдохнуть, просматривая ленту соц-сетей.

Ничего нового. Какие-то посты про «любимого зайку» и «мой милый мне подарил...», фотографии целующихся пар. Бе. Противно.

Я положила телефон на тумбочку, уставившись на камин. А правда, что, если бы у меня был парень? Носил бы цветы? Дарил подарки? Может быть, даже целовал? Как пафосно. Как представляю себе, что у меня во рту болтается чей-то язык – пробивают рвотные позывы.

В нашем классе была девочка, у которой грудь начала расти в десять лет, и к двенадцати годам она составляла пару некрупных арбузов. Да и задница у нее была вполне себе, в то время, как мы ходили «палочками». Эта девочка к своим пятнадцати успела потаскать не один десяток парней, не один раз лишиться девственности и, соответственно, не один раз пожалеть об этом.

(Стучу пальцами по столу – а что, так можно – лишаться

девственности несколько раз? Что я сейчас вообще написала?)

Единственное, для чего мне бы был нужен парень – для покупки лекарств, потому что это все, что меня еще держит на этом свете одной рукой. Если на пиццу еще можно было закрыть глаза, то от ежедневного приема таблеток до конца своей жизни, если снова не захочешь проторчать месяц-два в реанимации, ты уже, к сожалению, никуда не денешься.

Кир, он, понятное дело, все делает, чтобы я еще повисела здесь какое-то время. Наши семьи дружили еще со школы, и поэтому, когда мы с Киrom родились, их стаж уже составлял около пятнадцати с лишним лет. Они все переживали вместе... Родители Кира – владельцы какой-то там супер-пупер наворочанной компании, поэтому денег у них хоть ковшем грести можно. Именно они помогали оплачивать мне мои операции.

Потому что я страшный сердечник, который до кончиков рыжих волос зависит от этих чертовых операций, чтобы хоть как-то продлить мне жизнь.

Продлить, не больше.

Врачи не давали моей маме каких-то хороших прогнозов, что их ребенок (то есть я, к сожалению) доживет хотя бы до первого года: откажет сердце. Мама не верила.

Я проводила в реанимации минуты, часы и сутки. Мне что-то кололи, вытаскивали из инкубатороподобного помещения, закрепляли и снимали датчики. Почему-то тогда я

боролась, хотя сейчас ничего не помню.

Не помню, зачем боролась. Чтобы вечно жить с этими ужасным болями? Носить в косметичке не духи и помаду, а кучу лекарств? Выучить расписание приема каждого флакончика и каждой пачки таблеток? Чувствовать себя виноватой за то, что семья Кира тратится на того, кто вскоре все равно умрет?

Ох, если бы знала, что вскоре останусь без гроша в кармане, совершенно одна, к черту бы всех этих хирургов послала...

Но вопреки прогнозам врачей я дожила до восемнадцати лет, двух месяцев и четырнадцати дней, хотя это в мои планы вообще не входило. Но я жила... Наверное, просто так. Потому что меня, наверное, родили, и «жить» было моей обязанностью.

Я помню, как однажды мы поссорились с моей мамой, и мне стало очень плохо (побочный эффект порока – ни поскандалить, ни распереживаться по-человечески), и меня увезли в больницу. А когда я вернулась, она очень серьезно сказала мне, что, наверное, я никогда не смогу иметь семью, потому что попросту не доживу до возраста, когда можно будет выходить замуж. И что все эти операции лишь продлевают мне жизнь, не больше. Единственное спасение здесь – пересадка сердца, но я никогда не смогу попасть на очередь, потому что это очень дорого и, согласитесь, сердца просто так на дороге не валяются. Она говорила мне, и по ее щекам

текли слезы, а когда она закончила, она просто тихо сказала: «борись».

И я боролась.

А теперь... Что теперь... Ничего. Бездна...

Так вот, в общем. Хорошенько поразмышляв, я поняла, что Кир навсегда останется мне лучшим другом – потому что, собственно, ни я, ни он ко мне высших чувств не питает, а выходить за него замуж только для того, чтобы он оплачивал мне лекарства (что за него, кстати, делает его семья вот уже как восемь лет, с момента, когда моих родителей не стало) – это просто садизм какой-то. Ни любви, ни страстных чувств, которые показывают в слезливых фильмах, быть у нас не может. Все эти сюси-пуси куры-гусы – сплошная подлая ложь.

И кто в нее поверит?

Почти всё население планеты – смешно, не правда ли?

17 февраля

08:38

Сегодня я нашла странную закладку в комнате тетушки.

Ну да, каюсь, – вообще-то, я *пыталась* не заходить в эту комнату целый день, пять часов и шесть минут, но потом слезы сказали, что играть мне нужно по их правилам, чтобы не укатить обратно в неихунжу больницу, и мне пришлось подчиниться.

Я лежала на кровати и рассматривала светло-серый пото-

лок, как вдруг мое внимание привлекла странная блестящая штучка, лежащая на комод. «Странно» – подумала я, – «когда я убиралась, ее тут не было».

Я подошла еще ближе и увидела, что это ключ. Вспомнив, что тетушка прятала всего лишь одну вещь в доме, я поняла, что она специально оставила его на видном месте.

Вышеупомянутый ключ открывал сейф, который я незамедлительно вскрыла и обнаружила... Что-то белесое и пестрое...

Деньги бы мне сейчас не помешали.

Хорошенько присмотревшись, я поняла, что это не являлось банкнотами.

Это были фотографии.

Ну и зачем ей надо было хранить бесполезный мусор вроде этого в самом защищенном уголке дома?!

Огромная кипа фотографий была сложена в определенном порядке – начиная с ее молодости и заканчивая пятьюдесятью годами. Последнее фото датировалось тридцать первым декабря, ровно за день до ее смерти. Она фотографировала новогодний стол. Тут стояло все: оливье, праздничный торт к моему дню рождения, запеченная под сыром рыба.

Странно. Когда я пришла домой, праздничный стол пустовал, и о том, что меня ожидала еда, я узнала только сейчас – по фотографии. Никак иначе, наверное, кто-то пришел ко мне в гости и застал тетушку...

Я ущипнула себя за переносицу. Мозг снова стал пытаться представить себе, а не больно ли ей было умирать. Но какая уж разница теперь – больно или не больно, когда ее уже два месяца как нету...

Следующее фото, датированное пятнадцатым сентября (надо же – перед последним фото прошло аж четыре месяца!), изображало ее, в жутко выделяющемся парике и длинной юбке из велюра. Из-за этого эта миниатюрная худышка напоминала скорее выпускницу школы, чем довольно преклонного вида даму. На заднем фоне женщина и мужчина обернулись, очевидно, желая понять, почему ее волосы выглядят так, словно она не мыла их лет сорок (некачественный парик!), и их удивленные физиономии навсегда запечатлелись на этом пожелтевшем снимке.

Потом шли фотографии двух-трех-летней давности... Я все пыталась найти фотографии, иллюстрирующие ее больничные будни, хоть какие-нибудь выписки, но ничего такого не было. Тетушка была либо в парике, либо ее не было в кадре вообще – сплошная несправедливость.

(И нет, это не садизм – искать фотографии, на которых она изображена лысой, со стометровыми синяками под глазами и остекленевшим взглядом. Или, все-таки, садизм?)

Сложив все фотографии в стопку, я снова закрыла дверь на ключ, пообещав больше никогда сюда не заходить, и покинула комнату.

25 февраля

17:10

Сегодня в университет относить документы на досрочное освобождение, которое я обещала принести аж месяц назад, я не пошла лишь из-за того, что чертово сердце опять устроило в моем организме мега-пати. Ну и ладно. Было принято решение отсиживаться дома и пачками глотать обезболивающие, пока я корни не пущу, но уже в полдень в дверь раздался настойчивый стук.

– Войдите! – устало крикнула я, прекрасно зная, что у Кира есть ключи от моего дома.

Понятия не имею, зачем созданы правила этикета – нужно каждый раз тащиться в кухню, ставить чайник, сгибаясь от болей в груди, потом рыться в шкафах, ища сладости, пока в это время гость неторопливо вешает свое пальто. А потом мало того, что нужно смотреть голодными глазами на зефир лишь потому, что у тебя сердечная диета, так еще нужно завлекать гостя сладкими речами.

К сожалению, Кир относится именно к этому разряду людей, которые ждут до последнего, а потом наслаждаются мучениями. Пока Зеленский читал газету за столом, я быстро собрала горячий чай и нашла в дверце мармеладных мишек.

– Как боли? Прошли? – не отрываясь от газеты, спросил он.

– Душевные или физические?

– И то, и то.

Я помедлила.

– По стобальной шкале?

– Луиз, ну прекрати, – Кир устало вздохнул.

– Что прекратить? Ты спросил – я ответила.

– Вообще-то, ты ответила вопросом на вопрос.

– Окей, вот ответ: ноль целых ноль сотых. Устраивает?

– Нет.

Я пожала плечами. Потом поставила на стол тарелку с «мишками». И чай, который сама же «нечаянно» разлила.

Кипяток добрался до джинсов Кира, и он, ойкая, отстранился от стола.

– Теперь ты хотя бы чувствуешь ноль целых одну тысячную часть моей боли. – Вздохнула я. Парень не обратил внимания на оплошность и снова сел за стол, будто бы не он только что вскочил, как подстреленный, стараясь игнорировать огромную коричневую лужу под его ногами.

– Нам всем плохо. – Проговорил он. – У тебя умерли родители. И тетя. Не нужно строить из себя несчастную, дорогая моя.

– Заметь, у тебя за этот год умерло два хомячка. А у меня за этот год, который толком не начался, прошли уже две операции на сердце, умерла тетушка, а еще я иногда передвигаюсь не на двух конечностях, а на четырех. И конечно, *ты* же у нас самый несчастный!

– Луиза!

– Что – «Луиза»?! Хватит ставить меня в нормы привыч-

ного, ты мне не мама и не нянька, черт возьми! – я грохнула кулаком по столу, – это теперь моя жизнь, вали отсюда к чертовой матери, не хочу тебя видеть!

Ну вот опять. Хорошо посидели. Хороший вышел разговорчик.

Кир выбежал из коттеджа прочь, и я услышала, как он гонит на своем мопеде, загребая под себя хлопья снега.

Почему-то со смертью родных наша дружба стала медленно рушиться. Погибать, вянуть, как цветок – как там это говорится модно? – одним словом, я поняла, что так ничего не выйдет. Нельзя жить, не имея смысла.

Можно только существовать.

И то – на грани.

3 марта

17:10

Два месяца с того, как тётушка моя не получает зарплаты, уже прошли, а деньги кончились вопреки всем законам физики.

Я оббегала весь коттедж, выдвигая ящики и ящички, ища закладки с деньгами. В пачке с шоколадными шариками нашлись три тысячи (откуда они там), в комодке с украшениями – еще пять, и, наконец, в бачке для туалетных принадлежностей (а тетушка все-таки изобретательная, однако) – последние сорок.

Я посчитала примерную сумму за налоги и сделала выво-

ды, что каждый месяц мне придется платить около девяти с лишним тысяч за воду, газ и все сопутствующие. И это еще не считая расходы на еду и средства существования!!!

Последняя оплаченная квитанция четко гласила, что в общей сумме начислялось девять тысяч восьмьсот рублей и тридцать две копейки.

Если я буду платить по девять тысяч в месяц, то смогу продержаться на эти деньги примерно три с небольшим месяца – как раз столько, сколько мне нужно для того, чтобы найти себе работу.

То есть, работу, вообще-то – громко говоря. Все, на что я могу рассчитывать – грязная подработка в роли посудомойки в кафе или кассирша в «Бургер Кинге», которая будет все триста пятьдесят шесть дней в году, двадцать четыре часа в сутки, шестьдесят минут в часу и шестьдесят секунд в минуте смотреть на кислые мины покупателей. И оно мне надо?

Дома я нашла омлет недельной давности, виноградный сок, и решила, что на перекус мне это сгодится. Но еда дальше горла почему-то не лезла.

Наверное, потому что я представила, что будет, если я останусь без денег...

Буду каждый день рисовать огромные круги под глазами, одеваться в нищенку и идти на станцию побираться с грустными щенячьими глазками... А потом приходиться домой, стирать свой грим и радостно восклицать: «ура! Я за-

работала сорок восемь рублей и ноль одну копейку, на целый месяц хватит!»).

А потом когда-нибудь власти наконец-то проснутся, и увидят, что на станции ходит какая-то странная бабка с протянутой рукой. И они эту «бабку» задержат, выяснят, что, в общем-то, этой «бабке» лишь восемнадцать лет, и посадят в тюрьму, где выдают мороженое бесплатное.

Какая-то зловещая перспектива все-таки. Тюрьма, конечно, это плохо, но зато там-то как раз и обеспечивают на деньги государства.

Я кое-как справилась с соком, и решила, что омлет подождет до завтра. Сходила в душ, почистила зубы и взвесилась. За два месяца потеряла шесть килограмм – то ли от стресса, то ли из-за порока, а то ли из-за того, что за шестьдесят с небольшим дней съела меньше половины нормы.

Я легла спать в половине двенадцатого, хотя совсем не чувствовала себя уставшей.

И легла спать не у себя – в тетушкиной комнате...

9 марта

15:24

Пару дней назад я смогла оплатить все квитанции и снова начать существовать как мирный человек. Все, казалось, шло хорошо, пока я не посчитала остаток суммы и не пришла к выводу, что, в общем-то, у меня осталось всего двадцать тысяч из сорока восьми. Двадцать восемь тысяч всего

лишь за газ, свет, воду и прочие услуги – можете себе представить?!

А это натолкнуло меня на мысль, что мне нужно начать зарабатывать.

Кир не звонил.

С того дня, как мы поссорились за этим столом в этой кухне, он ни эсемесочки не сбросил мне даже. В основном, потому, что родители приучили его к христианскому воспитанию, что пагубно отразилось на его и без того чудной психике. Садись за стол – помолись, а то на тебя свалится вся кара небесная. Выходишь из туалета – помолись, а то на тебя свалится вся кара небесная. Ложишься спать – помолись, а то на тебя свалится вся кара небесная.

Ужас!

Вот поэтому он и решил, что прощение первым ему просить необязательно, иначе на него свалится вся кара небесная.

Я посчитала примерное время его молитв, если учесть, что молится он всегда и везде, и пришла к выводу, что молится он уже добрых шесть лет, десять месяцев, три недели, четыре дня, двадцать один час, тридцать шесть минут и девять секунд. Без перерыва. Поэтому, когда мои руки потянулись к телефону, я решила, что пусть идет он лесом, я и сама справлюсь – больно же мне надо занимать у него денег. И вообще, больно мне надо с ним дружить, с этим садистом.

Хотя нет – дружить-то надо, ведь тогда я а) либо умру из-

за недостатка денег на лекарства, либо б) окончательно поеду кукушкой из-за недостатка друзей.

Короче, после пятнадцатиминутных колебаний, я решила позвонить ему...

В трубке долго шли гудки, а когда сигнал наконец появился, я услышала очень, *очень* омерзительное чавканье. Я еле удержалась, чтобы не фыркнуть.

– Привет.

– Привет, – ответил мне совсем недружелюбный голос. – Что-то случилось?

– Нет...

– Отлично. Тогда пока?

Было видно, что эта старая кривляка все еще дует на меня из-за произошедшего. Эй! Он сам виноват! Как бы там ни было, я впервые за все свои восемнадцать лет решила не заходить с тыла, а поэтому проблеяла:

– Прости меня.

Долгое молчание.

– Ты прощена.

И все!

Я так рассвирепела, клянусь, что готова была плевать! Я тут распинаюсь ему и прошу искреннее прощение, а взамен что – спрашивается, – получаю? – ничего!

– Мне нужно найти работу, Кир, – наконец не выдержав, взвыла я. – У меня осталось всего лишь двадцать тысяч, а я только за одни услуги плачу больше в два раза! Мне нужно

срочно устроиться работать!

– Не беда, мои родители дадут тебе деньги, – спокойно оповестил меня мой «светило».

Вот еще! Надо ему думать про то, что я совсем беспомощная карга!

– Нет, – настаивала я, – мне *нужно* найти работу!

– Луиза, – вздохнул Кир, – мы дадим тебе денег. Сто тысяч хватит?

Я была так в тот момент зла, что снова проявила свою натуру и, наговорив много «приятностей», отключила звонок, решив, что я и сама смогу найти себе подработку. Пусть теперь официально идет он лесом, мне он не нужен, я и сама справлюсь!

Потом я сходила в магазин и купила коньяк за три тысячи (остаток, между прочим, составил уже не двадцать, а семнадцать с небольшим тысяч). Уселась у камина и налила себе половину бокала. Хлебнула. Гадость – какую свет не видывал!

Но я заставляла себя пить эту штуку до тех пор, пока мой желудок не понял, что сопротивляться бесполезно, и открыл свои ворота – вот тогда-то я и стала уже хлебать из горла.

А потом настала черная пелена, и я поняла, что мне так хорошо, что я бы осталась в этом третьем измерении навечно...

10 марта

20:03

Ох... Моя голова...

Я помню только, как вчера попробовала коньяк. Сначала он показался мне до ужаса перчёным и горьким, так что пить его я не стала. А потом меня пробрала какая-то грусть, и я глотнула всю рюмку залпом... Странно, теперь он показался мне не таким гадким. И я налила себе ещё, и ещё, а потом, судя по разбитому стакану, который я нашла сегодня на полу, окончательно осмелела, и стала пить из горла. Потом я решила сделать селфи на старый телефон, который нашла в одном из ящиков (на кнопочный, со времён первой мировой, кажется), поскользнулась и разбила стакан... Меня прорвало на плач и я, чтобы окончательно не заморачиваться, взяла бутылку и выпила её залпом...

Я проснулась ночью под кроватью. Меня жутко тошнило, и бок болел ужасно просто – паркет, оказывается, у нас очень жёсткий и не пригодный для спанья. И тут, до меня, кажется, дошло, что же вчера творилось...

Помню, я отыскала нокиа и позвонила Киру. И пригласила его «сделать меня женщиной, потому что мне уже пора, но я не проститутка какая-то, чтобы трахаться с кем-то из друзей». Он, поняв, что я нетрезвая, «вежливо» отказал и бросил трубку. И тогда я разревелась, как полная идиотка, стала изображать из себя раненого мотылька. Дело дошло до того, что я нечаянно задела стеклянный графин, и он, покачнувшись, упал и разбился, окатив меня апельсиновым соком.

И тогда я решила склеить его своими волосами, выдрала клочок и усердно пыталась соединить осколки...

Потом, судя по всему, ничего такого я не натворила больше, только кое-как забралась на второй этаж и улеглась спать под кровать, из-за апельсинового сока, разлитого на мне, превратившись в человека-пыль... А теперь мне так стыдно перед Киром... Надо будет ему объясниться обязательно, хотя я все еще сержусь на него.

Ой... Как-то мне нехорошо... Кажется, мне надо основательно проблеваться...

13 марта

13:15

Кир меня не простил, ну и ладно, вредина. Обозвал меня «пьянюгой» (это христианское воспитание!). Эй, мне уже восемнадцать, а не двенадцать, и я учусь в университете (условно – вроде я туда зачислена, а вроде ни разу и не была), а не в первом классе! Я, что, недостаточно имею проблем, чтобы выпить?!

Ладно, признаюсь, с коньяком я сильно перебрала, и всю ночь и утро блевала без остановки. Но горя у меня поубавилось, так же, как и памяти – надо будет в следующий раз повторить, вот только не так бурно, как это было пару дней назад. Я даже настолько перебрала, что теперь мое сердце ведет себя как бешенное, хотя я уже закинулась разноцветными таблеточками и вместе с коньяком выbleвала остатки

завтрака.

Двадцать третьего марта у меня назначена проверка с моим лечащим кардиологом. И хотя я знаю, что он ничего путного не сделает, мне все равно приходится тащиться туда – как корова на бойню. А это значит, что деньги мне нужны позарез – обычно после всех его визитов и проверок из кошелька тетушки уходило не меньше десяти тысяч рублей. Каждые три недели!!!

Ой тетушка, ой родненькая, спасибо тебе, что терпела меня и не выкинула в окно!

15:21

Прогулялась по Петербургу.

Заметила, что когда иду по лестницам – начинаю задыхаться, как будто только что марафон пробежала. Плохой знак.

Зашла в магазин по пути домой и купила себе пиццу. Не знаю, зачем опять нарушила диету – хотелось поесть, а все остальное не волновало, в том числе и последствия, которые могут пойти далее. В итоге, немного перекусив, решила прогулять снова – по тем местам, где мы гуляли с тетушкой...

23:08

Домой я вернулась далеко за десять.

Разогрела остатки яичницы, посмотрела телевизор, почитала книгу. Потом, поняв, что в холодильнике кроме тараканов

ных какашек у меня ни черта нету, решила подтянуть к себе на побитые жизнью коленки старый компьютер и поискать вакансии для работы.

Итак. Первое, несомненно, вакансия уборщицы – но мне она не по душе.

Когда я была маленькая, тетушка ушла на собеседование и наказала мне, чтобы я помыла всю посуду. Но мне был настолько омерзителен тот факт, что я, в принципе, буду ее брать в руки и смывать остатки *гадкой-гадкой* еды в раковину, что я... решила их съесть.

То есть тогда мой бедный мозг еще не знал, какое фиаско мне придется испытать. И я подносила ко рту тарелку, и все это ее содержимое заливалось мне прямым в желудок... Бе... А потом на худой конец облизывала ее и ставила на место.

А когда пришла тетя и спросила, почему в посудном ящике воняет слюнями и расчлененными недельной давности котятками, я ответила, что помыла посуду... языком. Думаю, не стоит вдаваться в подробности и рассказывать, какой нагоняй я получила и как меня рвало – не только из-за просроченных остатков еды, покоившихся на посуде, но также и из-за понимания того, что *все эти просроченные остатки еды, оставшиеся на посуде*, оказались у меня в животе. Ей-богу, – понятия не имею, о чем я думала, когда затеяла все это!

Короче, сделав для себя пару новых открытий (и ощутив пару новых рвотных позывов), я решила, что, в общем-то,

уборщица – не мой конек.

Дальше следовала вакансия кассирши в супермаркете. Легче легкого! Но и тут меня ждала непредвиденная беда – во-первых, зарплата выдавалась только через месяц, а во-вторых, на эту зарплату мне просто нельзя выжить.

Я листала ленту, наверное, до полуночи, пока глаза мои в трубочку не свернулись и не сказали, что с них достаточно. Но только я хотела закрыть компьютер, как в мое поле зрения попала совершенно интересная вакансия...

А сейчас, если я начну рассказывать, я, наверное, засн

14 марта

12:07

Я так вымоталась после прогулки, что уснула вчера прямо перед компьютером, хотя до этого не таскала ни тяжестей, ни нагружалась – только ходила пешим шагом, и ничего более. Очевидно, я знаю, что все это так называемые побочные эффекты от порока (чувствовать себя в восемнадцать на шестьдесят восемь – тоже побочный эффект), но мне все равно сделалось так грустно, прямо хоть кричи.

Я сходила на кухню и заварила себе крепкий кофе, прочно игнорируя запреты на диету, а потом снова уселась в кресло с ноутбуком и открыла вкладку Гугла.

Вакансия, которая меня заинтересовала, называлась очень лаконично – «требуется аквагримеры в центральный парк». И преимуществ там была целая масса.

Во-первых, они высчитывали зарплату из заработанных денег и отдавали сразу, и мне не пришлось бы ждать месяц, за который я успею три раза коньки отбросить.

Во-вторых, все, что им требовалось – умение считать и умение рисовать, а с этим у меня никогда проблем не было.

В-третьих, я могла бы работать сколько захочу – хоть семь дней в неделю, хоть два. Только тогда и разница в зарплате будет существенная, к сожалению.

В-четвертых, до центрального парка от моего дома было всего лишь каких-то пятнадцать минут езды на общественном транспорте.

Красотища!

Короче, посчитав все плюсы и минусы, я решительно набрала номер, заботливо оставленный в конце объявления. На другом конце мне ответил приятный преклонного возраста дяденька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.